

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Радиус Нестора

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ В СЕМИ
ЭПИЗОДАХ

Алексей Константинович Смирнов
Радиус Нестора.
Жизнеописание
в семи эпизодах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8917164

ISBN 9785447404321

Аннотация

Семь трагичных и невероятных историй из жизни бесприютного созерцателя Нестора и его окружения. Для широкого круга бытовых философов и солипсистов.

Содержание

Радиус Нестора	5
1	5
2	15
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Радиус Нестора Жизнеописание в семи эпизодах

**Алексей Константинович
Смирнов**

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4474-0432-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Радиус Нестора

А слишком большое или слишком скупое увлажнение, так же как и слишком интенсивное осушение, являются крайними действиями и противоречат добродетели умеренности, поэтому в них никогда нельзя найти меру. Поэтому «слишком» всегда губительно для «немного». Но и «немного» вряд ли найдет свою меру, в которой достигнет баланса, так как его противоположность постоянно приобретает все более пугающие размеры. И если два шага выполняются одновременно, оба в направлении «слишком», то и увлажнение должно быть очень щедрым, и осушение очень интенсивным.
Никола Фламель, «Алхимия»

1

Нестор ночевал на скамейке.

Поздними вечерами он собственноручно перетаскивал ее с детской площадки в кусты, к самой Колоде.

Сонно глядя на кусок луны, небрежно засунутый в небесный карман, Нестор засыпал, равнодушный к опасным шорохам и покорный силам, которые заведомо превосходили его податливое разумение.

Участок ночлега, окруженный кустами, он, когда вспоминал название, именовал «Малым Радиусом».

Утро начиналось с промысла, и Нестора можно было видеть не свет, не заря шагающим, будто цапля, со связками отслужившего свое картона; другим источником дохода стояли, понятно, бутылки – в этом деле он слыл мастером, знавшим места, где берут стеклотару любого достоинства и формата, даже пластиковую, и, сверх того, жестяные баночки. Первичный заработок позволял перезаложить подпорченное здоровье, вернуть его малую часть – достаточную, чтобы продолжить рабочий день и разнообразить труд погрузкой чего-нибудь.

К двенадцати часам он отваживался поест, как птичка.

Так было и нынче, но не совсем уж так, потому что Нестор ходил сдавать кровь. Он посетил специальное высасывательное отделение при маленькой больнице, где его хорошо знали и не спрашивали ни паспорта, ни справок, нуждаясь в запасах на экстренный случай, когда не до капризов, и в ход идет все. Нестор рассуждал, что кровищи не жалко, потому как ее не видать. Текет она и текет, пивком дольем.

Он любил докторов, потому что от них всегда выходила какая-нибудь польза. Вечерами, когда Колода и прилегавший к ней пятачок Малого Радиуса превращались в оживленное место, Нестор любил вспоминать, как завещал свой скелет научному институту. Паспорт со штампом о мрачной сделке давно заменили землистой бумажкой, и он был дово-

лен, что так ловко провел потрошителей.

– Кому еще комиссарского тела? – и Нестор лукаво подмигивал, одинаково отвергая как трагедию, так и заложенный в ней оптимизм.

Из Нестора откачали триста граммов резко пахнувшей жидкости, за которую дали сто рублей. Он улыбнулся вещему сну. Сегодня ему приснилось, как в ясельках лежало здоровенное евро достоинством в рупь. Вокруг столпились озадаченные волхвы и волы.

Тряся головой в вязаной шапочке, он купил себе сосиску в тесте, надкусил и обрадовался, открыв, что она, пожалуй, сарделька. Однако ел ее вынужденно, так, словно весь его пищеварительный тракт, изо рта начиная, выстелили папиросной бумагой; есть хотелось, но нечто пресное мешало и отдаленно напоминало тошноту.

Нестор чинно сидел на случайной приступочке, жуя осторожно и проникновенно. Его челюсти двигались с преувеличенной амплитудой, вовлекая в жевание круговые мышцы глаз и кожу лба вместе с шапочкой. Покончив с булкой, он пересек бульвар и вошел в магазин, где встретил Гагарина. Нестор добродушно следил, как Гагарин, за минуту до того ворвавшийся в пустынное помещение, втолковывал единственной покупательнице, тесня ее от прилавка:

– Я, я уже здесь стоял! Я в морг тороплюсь, мне только одеколон купить, труп подушить.

...Из магазина выходили вместе; Гагарин с угрюмой гор-

достью бормотал про месяц, который вышел из тумана с пивом разина-степана.

– Дела, – вздохнул Нестор, глядя перед собой.

Они степенно взобрались по насыпи, после чего, отдуваясь, засемили по шпалам. Нестор предложил поскорее спуститься, но Гагарин, не слыша его, упорно продвигался вперед. Нестор, благо каждый был за себя, присел на корточки и съехал в красивый иван-чай, а может быть – к марье-сиваном, ему было все равно. Гагарин, шедший поверху, замешкался. Его сипло выматерила электричка, и он соскочил с путей.

Очутившись внизу, Гагарин топтался, словно бы и не шел, а вяло разминался на месте, но как-то он все-таки ухитрился двигаться, и вскоре они прибыли в парк. Оба пошли по газону, шурша травой; в траве валялись бутылки, стаканы, газеты, отдельные части человеческих тел, забытые во хмелю и ныне, без сомнения, горько оплакиваемые. Дорожки были разрыты, аллеи перекопаны: в парке происходил капитальный ремонт. Гагарин, привлеченный урчанием бульдозера, на миг остановился, чтобы посмотреть на машину: в их жизни не было мелочей, так что многое, очень многое имело важность, в том числе и бульдозер, и маленький памятник человеку, прославившему себя дурным геройством, и вой далеких сирен.

– Работают! – сообразил Гагарин, насмотревшись на бульдозер.

– Ну, – разморенно кивнул Нестор. Бытие продолжалось, и все шло правильно.

Убедившись в этом, они продолжили путь, пока не достигли Малого Радиуса, отграниченного от мира кольцом кустарника. Уже на подступах к этому месту совместных и уединенных бдений стало слышно, как кто-то хрипит: не предсмертным и не больным, но деловым, озабоченным хрипом пополам с сопением.

– Олечка! – догадался Нестор.

– Ей еще рано, – усомнился Гагарин, ощупывая в кармане пузырек с одеколоном.

– Олечка, вот увидишь, – снисходительно улыбнулся Нестор, пригнулся и раздвинул кусты.

– Натоптыш ее, что ли, дерет, – нахмурился тот и не стал спешить, задержался: вынул флакон, свернул крышечку и вылил содержимое в пищевод. Запах и вкус облагораживающего вещества, приготовленного для шика и лоска, не понравились Гагарину, ему пришлось поднести к носу рукав безымянной верхней одежды. Перебивши аромат одеколона, он коротко выдохнул и вразвалочку поковылял за Нестором.

Внутри, на вытоптанном пятачке, с которого Нестор уже убрал скамейку на ее детское место, висилась облезлая Колода, служившая обеденным столом. Близ нее, устроившись на черных кирпичках, действительно сидели Олег и Натоптыш. Пыхтела Олег, ей досталась особенно сложная бутылка. Пластмассовый колпачок оказался не по зубам, благо зу-

бов не было; не было у сидевших и острых предметов, которыми подцепить; спичек тоже не было, так что поджог, увы, исключался, а отбивать горлышко пиратским ли, гусарским ударом ни Олег, ни Натоптыш не умели. Натоптыш держал во рту палец: он успел сломать себе каменный ноготь и устранился от дел; Олег сосредоточенно, вывалив широкий язык, подсовывала под упругую плоть колпачка случайную щепку.

– Жируете, – Нестор улыбнулся вину.

– Сука, – пропыхтела Олег. Она была женщина, но казалась мужчиной: в телогрейке, ватных штанах и шапочке того же фасона, что носил Нестор. Кроме того, у нее было квадратное лицо, паровозный голос и фиолетовые лапы-лопаты. Мужчиной она чаще и считалась, для удобства; когда же требования к удобствам менялись, что случалось не часто, она вновь становилась женщиной. Это, впрочем, оставалось формальностью, близкой к ненужной роскоши, ибо, независимо от характера удобств, стоявших на повестке дня, разницу мало кто заметил бы, благо движим бывал неразборчивым влечением и сумеречностью ума.

– Вы там никого не встретили? – невнятно осведомился Натоптыш, ущемленный в артикуляции сосанием пальца.

– Кого там встретишь, – Нестор бесшумно опустил на маленькое бревнышко. Всю жизнь он считал, что живет в духе – плохом ли, хорошем, но только не на земле. К вопросу Натоптыша он, казалось, не проявил никакого интереса, считая любое явление наваждением майя – как, впрочем,

и было, он думал именно так и именно в этих выражениях, которых нахватался в незапамятные времена, когда все было иначе, но в сущности, с точки зрения майя, так же.

– Ааааа, – задышала Олег на манер недолговечного мужского оргазма. Она содрала пробку и теперь озиралась, ожидая мировых сотрясений, неизбежных при таком усердии.

– Один совался, глазел, – пробурчал Натоптыш.

И его слова тотчас же подтвердились. Кусты затрещали, и в Малый Радиус ступили два человека. Оба были одеты немногим лучше окруживших Колоду, но в то же время разительно отличались твердостью шага и решительностью в глазах. Они были примерно одинакового роста, один чуть поплотнее, в очках и, несмотря на погожий день, утепленный широким шарфом в крупную клетку. Второй, с лицом неприятным и вкрадчивым, держал в руках какие-то бумаги: по этому единственному признаку было ясно, что пришли люди важные и сильные.

Тот, что был в шарфе, взглянул на компанию, словно высеченную из дерева единым махом притупленного топора, и моментально заметил разные непрезентабельные подробности: шелушение век, подноготные яйца, набедренные вдавления, чечевичный запах, раздавленные мысли, водоплавающий взгляд, потрескавшуюся радужку.

– Ну и... – начал он грубо, но его спутник быстро переложил бумаги в левую руку, а правой придержал за рукав.

– Подождите, подождите, – сказал он быстро и вдруг ши-

роко улыбнулся, от чего парк мигом превратился в большой провинциальный театр. – Вы часто здесь бываете? – обратился он к сидевшим, кивнув на Колоду.

Гагарин, который уже пил одеколон, привстал, готовый брякнуть что-то неосторожное и бесшабашное, но Нестор плавно, и вместе с тем очень быстро сказал:

– Случается.

Это прозвучало настороженно, однако вежливо и с достоинством, с намеком на представление говорившего о такой вещи, как временной континуум.

– Ну все же? – не отставал человек с бумагами. – Каждый день? Каждую неделю?

Олег откашлялась.

– Тут всегда кто-то есть, – сообщила она с заискивающими нотками, шамкая и заранее оправдываясь. – Мы культурно сидим.

Очкарик в шарфе злобно вздохнул и начал переминыться, словно догадавшись, что выражение «культурно сидим» подразумевает для говорящего равную возможность «посидеть некультурно».

– Что ты мне этих показываешь, – вмешался он в назревающий диалог. – Вымести их отсюда к собакам. Здесь парк будет нормальный! Парк! – закричал он почему-то Натоптышу. – Вы что, не видите, что ведутся работы? Идет реконструкция! Здесь дети будут гулять! А ну...

– Сидите, сидите, мужики, никто вас не тронет, – быстро

возразил второй, взял нервного товарища за талию и быстро повел из Радиуса. – Сидите, отдыхайте, ничего вам не будет! – крикнул он на прощание через плечо упиравшегося очкарика.

Нестор, глядя в землю, доброжелательно покивал. Олег завела руку за спину и выставила на свет бутылку, припрятанную при появлении чужаков. Она спрятала вино машинально, подспудно зная, что, коли уж решатся пришельцы отнять его и выпить сами, то никто и ничто не сможет им помешать. Да и прятать было бессмысленно, потому что и так все понятно. Натоптыш сидел, как мозоль, будто обитый каким-то быстро схватывающимся клеем столярного цвета. Гагарин томился, искоса поглядывая на вино.

– Начальство, – оскалилась Олег. – Дети у него будут гулять! Козел умственный.

Нестор задумчиво следил, как в тени, под лопухами, рвёт комаров. Наконец, он предложил:

– Давайте, что ли, пока они не вернулись.

И вынул из-за пазухи промышленный эквивалент отечественной крови. Малый Радиус ахнул, захваченный изобилием.

– Ну, – восхитился Натоптыш, – сегодня-то уж мы тебя, братка, послушаем. Сегодня ты будешь в ударе!

– Да, – согласился Нестор, почесываясь под шапочкой. – Мне пришел в голову героический эпос, я вам его перескажу. Давайте начнем с олежкиного, – и он кивнул на откупо-

ренную бутыль.

Взволнованный Гагарин, не в силах сдержать свои чувства, заходил кругами, а на Колоде, словно опята, выросли подержанные пластиковые стаканчики.

Если бы какие-нибудь дети, случись им играть близ кустов, проявили достаточную усидчивость и слушали внимательно, то им бы открылись начала садово-парковой космонавтики. Потому что комментарии Гагарина, летевшие из кустов, были краткими, доходчивыми и познавательными.

– Ракетное топливо, – любовно сказал Гагарин, рассматривая стаканчик на свет. – Поехали!

Воображаемые дети, побросав игрушки и затаясь, слушали с открытыми ртами. Воображаемая песочница вымерла.

– Первая ступень пошла! – просто и буднично сообщил Гагарин. – Ускорение восемнадцать же. Вторая ступень пошла. Ускорение прежнее. Приступаю к состоянию невесомости. Вижу землю.

Человека с бумагами звали Взоров, человека в очках – Андрей Иванович. Направляясь к строительной площадке, они прыгали по свежераспаханной дорожке и спорили.

– Андрей Иванович, минуту терпения, – слова бежали из Взорова веселым и ласковым ручейком, словно специально пущенным для успокоения нервов. – Послушайте внимательно. Я поначалу и сам хотел их шугануть. Представьте: иду себе, и вдруг – мат, звон бутылок... противно просто. А вы же знаете, какой я бываю. Я, если что... В общем, сунулся к ним, за кусты, и тут меня как молнией озарило.

Андрей Иванович влез сапогом в особенно неприятную лужу.

– Ты, Взоров, положительно рехнулся, – проговорил он с досадой. – Ну какие могут быть молнии? На кой они тебе сдались? Вырубим к дьяволу кустарник, поставим карусель, этих всех на хрен, пока не украли чего...

– Кустарник вырубим, – немедленно согласился Взоров и сделал с Андрей Ивановичем виртуозную рокировку. – А с уродами – погодим. Мы их используем с выгодой для всех.

Андрей Иванович торопился на звук бульдозера.

– Чучел наделаем? – насмешливо спросил он у Взорова. Но тот вместо естественной улыбки довольно просиял:

– Почти в точку, Андрей Иванович! Есть в вас нечто... отвечающее положению... нюх, понимаете.

– Ну, спасибо тебе, Взоров, – усмехнулся Андрей Иванович. – Наложил резолюцию.

– Я не то хотел сказать, – тот прижал бумаги к груди. – Вы меня неправильно поняли, Андрей Иванович. Никто и никогда не сомневался... Но слушайте дальше. Как вам понравилась эта компания? Редкостные уроды, вы согласны?

Андрей Иванович сдвинул кепку и крикнул.

– Таких, не дай бог, во сне увидишь...

– Вот именно! – Взоров понизил голос, как будто намеревался выдать серьезный секрет. – Мы ведь там Луна-парк поставим, да?

– Ну да, – озадаченно подтвердил Андрей Иванович.

– И отлично. Я предлагаю послать чехов к черту.

– Не понял, – нахмурился начальник Взорова. – Как это – послать чехов? С какой стати? Да у меня и полномочия не те...

– Так не совсем послать, – объяснил тот. – Совсем и не надо. Горки там, колесо, карусели – пускай они ставят. А мы сэкономим на Пещере Ужасов. Помните, запланирован такой аттракцион? Я, когда мальчишкой был, ходил однажды. И, честно признаюсь, разочаровался. Посадили нас в вагонетку и погнали через какой-то коридор, а в коридоре всего-то и страхов, что два скелета с зеленой подсветкой, руки тянут – ну, ряженные, нанятые за рупь, да мочалки с потолка

свисают, по мордасам хлещут. И все Ужасы. А встанут они нам – городу то бишь – в изрядную копеечку. Чехи, конечно, заартачатся, но мы, я думаю, сумеем настоять. Не захотят же они лишиться всего подряда! Поломаются, поломаются – и пожертвуют этой дурацкой пещерой. Нам же от этого прямая польза, всему коллективу премия. Намного дешевле же выйдет, подумайте сами.

Андрей Иванов, пренебрегши на миг зовом бульдозера, остановился.

– Что ты за хреновину порешь, Взоров? – спросил он недовольно. – За что премия? При чем тут пещера?

– При том. Вы же сами сказали, что не дай бог, приснятся. Обнесем их, пока не выстроили балаган, фанерными щитами, создадим интим...

Начальник захохотал и покрутил пальцем у виска:

– Ты, мил человек, вконец ополоумел. Не похмелился? Или, наоборот, похмелился? Ну-ка, дыхни!

– Чего дышать-то, Андрей Иванов, – улыбнулся Взоров. – Похмелялись-то мы вместе.

Андрей Иванов погрозил ему пальцем:

– Ты не зарывайся! Вместе... Ты, я вижу, где-то еще добавил! По-твоему, они согласятся сидеть пугалами и людей страшить?

– А почему бы им не согласиться? Согласятся. Их же даже наряжать не надо. Все оставим, как есть. Представляете – иностранцы какие зайдут! Реклама, шум, валюта!

Взоров немного подумал.

– Можно и вообще ничего им не говорить. Они, небось, и не заметят, что вокруг что-то происходит. Будем их прикармливать по чуть-чуть, чтоб не расползлись, и все дела.

Андрей Иванов молча смотрел на Взорова.

– Наших-то не удивишь, – сказал он в конце концов. – Наши такое каждый божий день видят. А на иностранцев надеяться...

– Не надо никого удивлять, – возразил Взоров. – Надо напугать и позабавить. Напугать – с этим все ясно, испугаются. Вот вы бы, Андрей Иванов, встретили такое чучело в подворотне, при вывернутой лампочке – каково бы вам стало? У наших-то как раз и срабатывает этот рефлекс. А после они поражаются остроумной выдумке. Согласитесь, что такого еще нигде и никогда не было.

– То в подворотне, – сопротивлялся его собеседник. – Люди же в парк придут, отдохнуть, развлечься... Это получается как-то не по правилам, нечестно?

И он замолк, сознавая, что его доводы неубедительны.

– Да ну тебя, Взоров, – Андрей Иванов в сердцах махнул рукой. – Черт знает, что сочинил. Кто нам разрешит, ты об этом подумал?

– Так мы же поделимся, – развел руками неугомонный Взоров. – С теми, кто разрешает.

– Шкурой неубитого медведя, – проворчал начальник. Он посмотрел на часы: – Мы с тобой здесь уже не знаю, сколько

стоим, как два дурака. И работа стоит. Пошли в контору.

Он повернулся и пошел к вагончику-бытовке, оборудованному под штаб, вокруг которого толпились другие вагончики, из иных тянуло дымком. Взоров не сдержался и ликующе подмигнул удаляющейся спине. Он знал, что его взяла. Командира зацепило. Командир был мужик, который своего не упустит.

– Андрей Иванович! – закричал он, желая выковать железо горячим. – Я сгоняю обратно, хорошо? Потолкую с честной компанией. А то действительно – сегодня они здесь, а завтра там. Мы их застращали...

– В контору! – зарычал Андрей Иванович, не оборачиваясь. Взоров сообразил, что допустил оплошность: командиру нужно было обмозговать пещерную перспективу. Перепрыгивая через ямы, он поспешил вдогонку.

Порывшись в складках, Нестор вынул неожиданные вещи: очки, растрепанный землистый блокнотик и толстый стержень для шариковой ручки.

– Давай свой эпос, – пригласил его сонный Натоптыш, который сидел, приобняв Олега. Олег сокрушенно и бессмысленно улыбалась, глядя на камушек.

– Ты не очень длинно, писатель, – предупредил Гагарин, плававший в невесомости но уже предчувствовавший неизбежный спуск через плотные слои атмосферы. Нервничая от этого предвидения, он мерил Радиус разнокалиберными шагами. Иногда он присаживался на Колоду, но тут же вскакивал.

– Тут кратенько, – успокоил его Нестор.

Он был философом, обладая отрывочными и неожиданными познаниями, о происхождении которых его никто и никогда не спрашивал. Да и сам он, можно сказать, уже позабыл об этом происхождении – оно, во всяком случае, виделось ему в некотором потустороннем свете, отделенное годами, спрессованными в одну большую эпоху. И космически-пространственным, если такое возможно, аналогом этой эпохи была, без сомнения, черная дыра, вмещающая многое, но безнадежно непроницаемая для познавательного ознакомления.

Он помнил лишь, что все началось с некрасивого поступка. В недостижимо далеком существовании, по ту сторону черной дыры, Нестор ехал в метро. Он читал книгу, когда с конца вагона стал двигаться попрошайка, пищавший «люди-добрые», а Нестор, стоявший дальше и державшийся за поручень, тоже пошел вперед – просто, чтобы встать возле дверей, где удобнее. И вдруг он напоролся на протянутые пятьдесят рублей. Богатый филантроп, не разобравшись, перепутал фигуры и принял Нестора за попрошайку, протрубившего денежный сбор. Будь в пальцах у того добряка не пятьдесят рублей, а меньше, Нестор прошел бы мимо, но это были целые пятьдесят рублей, и он, словно действуя по чужой, властной указке, взял. «Не впрок тебе будет», – прошипело Нестору в спину. И вышло по слову тому. С этого сглаза, порчи, наговора, равно как и с допущенного греха, началось быстрое падение Нестора.

С тех пор он много раз думал о Страшном Суде. Зная о том, что рай и ад – это одно и то же место, он не боялся Суда, он страшился девяти и сорока дней, об одном лишь мечтая: чтобы они поскорее прошли, и наступила определенность – навсегда.

Но жил, пробуждаясь изо сна в сон.

– Ты умный, паря, – уважительно сказала Олег, и язык ее плохо ворочался.

– Из сосуда вытекает то, что в нем, – скромно объяснил Нестор. – Это сказал Пророк Магомет.

– Здорово он сказал! – причмокнул Натоптыш. Послышались и другие одобрителные рыки.

Нестор разложил на колоде блокнот, нацепил очки. На какое-то время он задумался, припоминая начало, где все слилось; из непоняного бледного пузыря вырос трамвай, в нем ехал Нестор; он радостно смотрел на рюмочные, вот-вот готовые открыться. Утро было такое хорошее, что хотелось немедленно добавить красок родным местам, приблизить их, рассмотреть сквозь напряженно дрожащую многоградусную призму. Тогда отпечатается все – и дерево, и метро, и бульвар со скамейками.

А потом все происходившее стало настолько ужасным, что не только не забывалось, но даже не запоминалось.

Нестор откашлялся:

– Тут, значит, набросочек, – сказал он застенчиво и хрипло. – Сочинилось на отдыхе.

И объявил уже торжественно:

– Психологически-героический эпос: «Трехстаканная проба, или Судьба человека». Это про то, как одного друга лечили от водки, – пояснил Нестор.

Он начал читать, запинаясь и с трудом разбирая свои же строчки, которых было немного:

– «Психолог подал Ивану стакан и спросил, пуст он или полон. „В нем половина, – сказал психолог. – Все зависит от точки зрения“. „Да не будет тут половины, – прикинул Иван. – Тут треть“. Внутренне корчась от хохота, психолог

принес новый: а этот? „И здесь недобор“, – возразил Иван. „А как же нужно?“ „Нужно доверху“. Психолог подал ему третий стакан: а теперь? „Теперь он полный, – довольно сказал Иван, выхлебнул содержимое и закричал: – Так это вообще вода, ах ты фашист!“ И пошел врукопашную.»

Нестор немного посидел молча, глядя в текст, а потом снял очки. Он слегка волновался. Где-то очень глубоко еще хранились отпечатки невероятных событий: чтений и бдений, заздравных тостов, бессмысленных дискуссий.

Малый Радиус отнесся к прочитанному серьезно.

– Правильно, – сказал Гагарин. – Эти доктора ничего не умеют. Мне, было дело, вышили целый крест на жопе из таблеток, под кожу загнали, и гипнозом лечили. Доктор спрашивает: а теперь тебе хочется пить? Нет, говорю, совершенно не хочется! До того, что даже выпил бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.